

Юмор
летит

Смешные РАССКАЗЫ

с нас с вами

Марат Хасанович Валеев
Юлия Чаглуш
Паласатое
Алеся Пушнякова
Зоя Владимировна Арефьева
Мария Валерьевна Сурова
Артур Полозов
Сергей Тихонов
Марина Бочарникова
Вера Александровна Шахова
Александр Райн
Евгения Ерофеевко
Баграт Саруханов
Павел Владимирович Гушинец
Юлия Радошкевич
Поня Лола
Алексей Клёнов
Ирина Семенова
Нина Левина
Галина Пахомова

Смешные рассказы о нас с вами

Серия «Юмор лечит»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69604513

Смешные рассказы о нас с вами:

ISBN 978-5-6048651-7-0

Аннотация

Место действия: Россия.

Главные герои: простые люди, семьянины и работяги, студенты, разные виды животных и парочка домовых.

Сюжет: смешные, казусные и нелепые случаи из реальной жизни.

Однозначно поднимает настроение).

Содержание

Алексей Кленов	5
Вера Шахова	11
Павел Гушинец	16
Поня Лола	22
Баграт Саруханов	29
Юлия Чаглуш	35
Евгения Ерофеевко	40
Паласатое	44
Вера Шахова	54
Марат Валеев	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Смешные рассказы

о нас с вами

Алексей Кленов

Пережить праздник

В доме подозрительно пахло подготовкой к празднику. Это Маруся поняла, еще не войдя в прихожую. По лестничной клетке едко тянуло гарью, а по ступенькам стекали потоки мыльной воды. Открыв дверь, Маруся свалила на тумбу ворох цветов с корпоратива, скинула осточертевшие за день туфли и нацепила тапки. Хотя было бы уместнее надеть сапоги. Воды было больше, чем на лестнице. В глубине квартиры сдавленно орал кот. И еще что-то шваркало, урчало и дымилось.

– Шурик, что случилось?!

Муж нарисовался через пару секунд. В трусах, босой, перемазанный сажей, с обожженным и исцарапанным лицом и солидным фингалом под глазом. Голова замотана полотенцем, наподобие чалмы.

– Марусенька, ты уже? А я не ждал так скоро. Я думал, корпоратив, ты ж директор, до последнего гостя, как капитан тонущего корабля...

Выдохнув, Маруся устало опустилась на пуф и велела:

– Рассказывай, злодей. Что на этот раз?

– Э-э-э... Радость моя, – проблеял напуганный Шурик, – ты только не волнуйся...

– Я волновалась, – перебила Маруся, – когда в девяностые на меня рэкет наезжал. Нервничала, когда дефолт был, психовала, когда был кризис. После этого мне все пофиг. Докладывай, что в доме происходит?

– Понимаешь...

– Короче, Склифософский!

– Хорошо. Как на духу. Я хотел устроить тебе праздник. Поздравить как-то необычно. Решил прибраться, постирать и приготовить праздничный ужин. Взял отгул, загрузил стиралку, сходил на рынок... То есть сначала сходил на рынок, купил телятину, а она потекла.

– Телятина? – уточнила Маруся.

– Нет. Стиралка. Но не сразу. Я поставил в духовку телятину, пошел прибираться, а тут кот...

– Он жив?

– Конечно, – обиделся Шурик. – Только немного мокрый. Понимаешь, когда я включал машинку, кота в ней не было. Клянусь! А потом он как-то оказался внутри.

– Как? Как кот мог попасть в закрытую стиралку?!

– Не знаю. Наверное, просочился.

Прикрыв глаза, Маруся сказала:

– Продолжай. Становится все интереснее. Только покажи

сначала кота. Хочу убедиться.

– Э-э-э, солнышко, я не могу. К нему идти надо.

– Надеюсь, лапы у него на месте?

Потерев исцарапанное лицо, Шурик уныло подтвердил:

– И еще как! Только временно обездвижены в целях безопасности.

– Ладно, после. Что дальше?

– В общем, пока кот купа... э-э-м-м... белье стиралось, я почувствовал запах гари. Пошел в кухню, открыл духовку, прижег пальцы, мясо горело, я плеснул масла. Но я же не знал, что оно вспыхнет! Волосы обгорели, повалил дым, я стал тушить. И тут заорал кот. Я побежал к машинке, увидел глаза кота за стеклом и понял, что ему там не комфортно. Отключил машинку, хотел открыть, а она ни в какую. А кот орет. А плита горит. А лицу больно. А волосики тлеют. Я взял гвоздодер... Ну, в общем, машинка потекла сразу и обильно, но кот на свободе. Пока я тушил плиту, эта сволочь носилась по квартире и орала человеческим матом, разбила две вазы, обгадила ковер, сорвала шторы, исцарапала обои, разбила шампанское со стола, по батарее стучали соседи снизу, кажется обещали кастрировать. А чего его кастрировать? Мы ж его два года назад уже... Или они это про меня? Но, в общем-то, все в порядке, ты только не волнуйся...

Вытерев слезы от смеха, Маруся поднялась, отодвинула мужа и прошла в квартиру. Погром был качественный. Все

как описал Шурик. Плюс еще с десятков деталей, от которых у менее подготовленной женщины кровь застыла бы в жилах. Только не у Маруси. Двадцать лет управления крупной компанией выработали стойкий иммунитет к стрессам и депрессии. Главное, внуков на побывку не было, а муж и кот живы, как Шурик ни старался. Правда, кот был распят на батарее, привязан всеми четырьмя лапами, и морда замотана старым шарфом. Но живой, не паленый, и на том спасибо.

Шурик поспешил объяснить:

– Понимаешь, лапочка, он не хотел сидеть на батарее. Я боялся, что до тебя не высохнет. Отжать его не получилось, не давался. Ну и пришлось привязать. А морда – чтоб не орал. А то соседи уже раз десять в дверь звонили, грозили пожарными и полицией. Кажется, даже ведьму обещали позвать, чтоб прокляла.

Отвязав кота, Маруся успокоила его, обтерла сдернутым с лысой теперь головы Шурика полотенцем и освободила коту морду.

– Сволочь ты, Шурик. Он же задохнуться мог. Хотя после стиралки ему уже ничего не страшно, как и мне.

Опустившись на диван, Маруся обняла кота и выразительно посмотрела на мужа.

– Ну?

– В смысле? – приуныл Шурик. – Мне сразу вешаться? Или не лишать тебя удовольствия?

– Поздравляй, балбес, – горестно вздохнула Маруся. –

Восьмое ж марта сегодня.

Широко улыбнувшись, Шурик побежал в соседнюю комнату, вернулся важный и загадочный, пряча руки за спину. Опустился перед женой на колени и торжественно произнес:

– Марусенька, солнышко мое. Мы с тобой тридцать лет вместе, и я не перестаю тебе удивляться. Ты самая красивая, загадочная, изысканная, терпеливая, чуткая и любящая жена, мама и бабушка. Я поздравляю тебя с женским днем и желаю, чтобы ты всегда оставалась такой, какая ты есть. Вот.

Вытащив руки из-за спины, Шурик протянул коробочку с золотым колечком и букет роз, смятый и ободранный. Смущенно пояснил:

– Цветы были хорошие, правда-правда. Просто не выдержали общения с разъяренным котом. Не сердись на меня. И на него. Он точно не виноват. Пожалуйста. Я очень хотел сделать тебе приятное.

Прижав голову мужа к коленям, Маруся понюхала цветы и улыбнулась.

– Надо же, они еще и пахнут. И даже не гарью. Ты не экспериментируй больше, Шурик. Ага? Достаточно просто цветов. Еще одного такого праздника дом не выдержит. Соседи – тем более.

– Да я подумал, тебе на работе дарят дорогие подарки, шикарные букеты, вот и захотелось чего-то необычного. Чтоб с изюминкой, с огоньком. Чтобы удивить.

– Тебе удалось, горе ты мое луковое, – усмехнулась Ма-

руся. – Даже с огоньком. И не важно, что там на работе. Ведь ты-то – от души и с любовью. А теперь пойдёмте, бедолаги мои, дом спасать и с соседями мириться. А то действительно ведьму позовут. У нее наверняка свой муж есть и тоже, возможно, хотел сюрприз сделать. Мало ли что у нее на уме после этого...

Вера Шахова

Настоящий герой

– Нет, – в очередной раз вздохнул Василий и обошел елку вокруг. Залез под раскидистые лапы, царапнул ствол, вылез из-под дерева и с тоской посмотрел на яркую звезду, которая венчала верхушку дерева.

– Чего нет? – не понял Никифор.

– Праздника нет. Украли. Обездолили. Все традиции коту под хвост.

– Это тебе, что ли? – усмехнулся домовой.

– Может, и мне. Какой же это праздник без традиций? Елку уронить, дождик погрызть, шарик за диван закатить. Пирог с бабулей испечь. Потом деда встретить и залезть в мешок с подарками. А это что?

– А как же «видеть цель, верить в себя и не замечать препятствий»? – прищурился домовой.

– Я и видел цель, а потом, как с елки упал, звездочки закружились, одна, вторая. Лучше стало, когда пять звездочек мне кадрили пред глазами сплясали.

– И кто, по-твоему, украл твой праздник?

– Внуки, кто ж еще. Приходил Сережка, с елкой поиграл немножко. Видишь, теперь ни уронить, ни игрушку стащить, огоньки – и те к потолку прибиты.

– И что теперь делать будешь?

– Объявлю им войну!

– Веник не дам!

– Жадина!

– Я не жадный, я домовитый!

– Так, накапать четыреста грамм валерьянки – и я готов спасти Новый год!

Домовой притащил с кухни кошачью миску и поставил ее под елку.

– Вот!

– Ну я же просил четыреста капель, а здесь четыреста две... Может, и к лучшему... Эх, силушка богатырская. Ну, внуки, держитесь! Я спасу праздник, чего бы это мне ни стоило!

* * *

Дзинь... Дзинь... Дверной звонок настойчиво оповещал о приходе гостей. Бабушка, вытирая руки о фартук, пошла открывать. Тем временем Василий пробрался на кухню, залез на стол, где стоял готовый отправиться в духовку пирог. На мягком тесте, сверху, нарисовал лапой елочку и укусил пирог за бок, проверяя, не забыла ли хозяйка положить побольше мяса. После были продегустированы салаты, соленые огурчики, и даже заливная рыба. Не поверите, какая гадость оказалась эта рыба, по мнению кота.

Внуки, заслышав звон бьющегося стекла и влетов на кухню, увидели, как по полу растекается, шипя, шампанское.

– Ах ты разбойник! – махнула на кота полотенцем бабушка. – Что с ним поделать!

– Мы его сейчас на улицу отправим, пусть погуляет. – Внуки с сыном и невесткой, растопырив руки, со смехом начали отлов кота.

Василий с веселым гоготом – «Не догонишь, не поймашь!» – выскочил в приоткрытую дверь в подъезд, а после – на улицу. Веселая компания, на ходу застегивая пальто и натягивая сапоги, рванула за ним. Все-таки кот домашний и улицу видел только из окна квартиры.

– Кажется, Василий решил новые традиции установить, раз его старых лишили, – глядя в окно на убегающего в сторону лесополосы кота, вздохнул домовый.

* * *

Внимательно вглядываясь в следы кота на свежих сугробах, семья Сыроежкиных пробиралась все дальше и дальше в сосновый пролесок, пока не увидела двух зареванных детей.

– И чего плачем? – спросил Сережка, в спешке надевший куртку наизнанку, из-за чего был похож на мини-версию Деда Мороза в красном блестящем тулупе.

– Там плохие Морозы нашу елку рубят! – всхлипнул малыш.

– Пойдем посмотрим, – скомандовал Сережин папа.

Недалеко, за деревьями, раздавались ругань и стук топора. Два не очень трезвых мужика в костюмах сказочных героев стояли посреди поляны, уткнув руки в боки, и разглядывали небольшую наряженную в разноцветные шарики елочку. Топор, воткнутый в ствол рядом поваленного дерева, не оставлял сомнений в намерениях этих двоих.

– Эй, мужики, это наша елочка, а ну отошли от нее! – Голос Сережиного папы спугнул горе-Морозов.

Подвыпившая парочка в новогодних костюмах решила не сдаваться без боя и, схватив топор, рванула к нему и близнецам.

– Ты не пройдешь! – С воплем из сугроба взмыла черная тушка кота и вцепилась в лицо одному из нападавших. – Это моя семья, и только я имею право их задирать!

Один из «дедов» вопил, пытаясь снять с себя мохнатого противника. Второй «дед» бежал, сверкая пятками, от близняшек с папой.

Василий был великолепен. Слово Чужой из одноименного фильма, он не давал опомниться похитителю елок. Скинув красный колпак с головы «деда», кот натянул на лысый череп негодяя бороду и обмотал ее вокруг его глаз, лишив возможности видеть, куда идет. Затем стянул с него валенки, явив наступающим сумеркам ярко-зеленые носки с дырками и торчащими из них большими пальцами ног – за пальцы Василий и тяпнул красноносого хулигана. «Дед» подпрыгнул,

задел головой снежную ветку, которая осыпала его снегом, и, подхватив полы халата, припустил вслед за другом под веселое улюлюканье семьи Сыроежкиных.

* * *

– Ну что, спас праздник? – спросил объевшегося сливками кота Домовой.

– Ик, спас! Теперь каждый год спасать буду. Это тебе не шарики с елки ронять! Мы обезвредили банду поддельных дедов морозов, спасли елку, а под ней мешок с подарками для детей припрятан был. Вот для тебя какой подарок лучший?

– Лучший мой подарочек – это ты! – улыбнулся Никифор в усы. – Герой, спасший праздник и установивший новые традиции.

Домовой с котом сидели на шкафу, освещаемые сотней разноцветных огоньков, и наблюдали, как бабушка режет еще горячий пирог, на верхушке которого аккуратно нарисованная елочка очень напоминала отпечатки кошачьих лап...

Павел Гушинец

Колька – Ай болит

Теплое яркое лето как-то быстро подошло к концу, моя дочь Соня вернулась из деревни, где она гостила у бабушки, и засобиралась в школу.

А перед школой нас ожидал любимый всеми родителями процесс – прохождение медосмотра. Приходим в поликлинику – там уже огромная очередь из таких же «счастливиц». Взяли талончик, сидим, страдаем.

Вокруг ревушая детвора разного возраста, подростки залипают в телефоны, мамы нервничают и ругаются. Обычный день обычного педиатрического отделения поликлиники.

Вдруг слышу совсем рядом робкое:
– Здрас-с-сьте.

Поворачиваюсь – так и есть. Колька. Пацан старше моей «принцессы» на год из соседнего дома. Проклятие мое. Только его нам тут не хватало.

С Колькой мы познакомились еще в прошлом году, когда девица моя перешла во второй класс, а этот малолетний хулиган, соответственно, в третий. Учились они тогда в одном крыле школы, классы рядом, дверь в дверь. Колька осознал, что теперь он старше не только робких первоклашек, но и

всего второго класса. А значит, надо «построить» мелкоту. Сделал физиономию понаглее и направился к соседям.

Зашел в класс. «Мелкие» притихли. Колька выбрал портфель девочки посимпатичнее и для затравки с большим наслаждением пнул его. Портфель полетел на пол, посыпались ручки и тетрадки.

Зря он это сделал.

Я вам уже рассказывал, что лет в пять моя девица категорически отказалась заниматься плаванием, танцами и фигурным катанием. Увидела рекламу секции единоборств – и с тех пор у нас только дзюдо и тайский бокс. Медальями вся стена увешана. По закону подлости, Колька пнул именно ее портфель.

В тот же день меня впервые в жизни вызвали в школу. Странное ощущение. Недавно я в школе сам бедокурил и вместо вечно занятых родителей к директору вызывали соседа. И наступило мое время. Значит, я уже большой.

Приезжаю. В коридоре перед классом – учитель, психолог, Соня, Колька и незнакомая пока мне дама – Колькина мама. Именно эта мама, только завидев меня, кидается в атаку.

– Ваша дочь – хулиганка!

– Допустим, – не стал возражать я. – Все починим. Необратимые потери денежно компенсируем, виновные будут вознаграждены, непричастные наказаны. А что, собственно, случилось?

– Она избивала моего ребенка!

Смотрю на «ребенка». Дитяtko килограммов на пять тяжелее дочери и на полголовы выше. Стоит, всхлипывает, нос красный, воротник в каплях крови, видимо действительно били.

– Разберемся. Соня, что произошло?

– А чего вы у нее спрашиваете? – возмущается Колина мама. – Мы вам сейчас расскажем.

– Ваша версия меня тоже интересует, – отвечаю. – Но хотелось бы сначала выслушать заинтересованную сторону.

Услышал. И про портфель, и про то, как Колька его пнул. И про то, как его зажали в углу ринга и беспощадно отметили.

– Вот видите? – торжествует дама. – Она даже не отпирается!

– То есть вашего *мальчика* побивала *девочка* на год его младше после того, как он совершил покушение на ее личное имущество, словесно оскорбил в ответ на устное предупреждение и попытался дернуть за волосы? Ничего странного не замечаете?

Колина мама поймала некоторую нелогичность происходящего. Поворчала еще немного, но уже без прежнего пыла. Потом мы долго выслушивали нотации от педагога и психолога. Обещал разобраться, предотвратить, наказать, принять меры.

Фиг его знает, какие меры принимать. Сели, серьезно по-

говорили, обещала больше Кольку не трогать. Если он опять ее портфель пинать не будет. И то хорошо. Лучше вооруженный нейтралитет.

Наступила зима – опять конфликт. Сонькины одноклассницы устроили во дворе что-то вроде крепости. Пришел Колька с приятелями, разрушил крепость, побросал девченок лицами в сугроб, набил снега им за шиворот. Девчонки пришли к Соне за «крышей». Вечером звонит мне Колина мама:

– Вы опять?!

– Ни в коем случае, – говорю. – Никто никого не бил, по крайней мере лицо цело, нос не разбит и синяков не осталось.

Девчонки крепость восстановили, а когда Колька с друзьями пришел ее опять ломать, позвонили Соне. Спускаться на лифте было недолго. Завидев Соню, Колька попытался убежать. Его догнали, дали пенделя, отобрали шапку и шарф, набили за шиворот снега.

Нам грозили милицией, отсутствующим отцом, спецшколой.

– У меня тихий мальчик! – кричала Колина мама. – Он дома сидит, никуда не ходит, домашний ребенок. Шахматами интересуется на планшете. Он не привык, чтоб каждая хулиганка его била!

Я кивал и обещал разобраться. Колька стал обходить девчачью крепость за километр.

К весне дети вроде подружились. По крайней мере, крепость доломали всей толпой, а на ее месте наладили переправу через огромную лужу. Как-то вечером сижу дома, рассказ пишу. Слышу – звонок. На пороге кавалер собственной персоной. Колька.

– Здравс-сьте, а Соня выйдет?!

– Прогресс налицо, – удивляюсь я. – А чего не по мобильному?

– У меня мама телефон отобрала. Много играл.

– Понятно. Забирай свою даму, если она не против. Но помни, ровно в двенадцать часов карета превратится в тыкву. Намек понял?

Вижу – не понял. Не знают шахматисты литературной классики. Ну да ладно.

На лето дети разъехались по деревням и бабушкам. И вот – поликлиника, очередь. Колька.

– Ты что тут делаешь? Тоже на медосмотр?

– Не-е, – вздыхает «тихий мальчик». – Я к доктору.

– Заболел?

– Ага. Я все лето сюда ходил. На неделю к бабушке – а потом сюда.

– Что ж тебе так не повезло?

– Сначала я горошину в нос засунул, – похвастался Колька.

– Глубоко? – поинтересовался я.

– Ага. Почти на палец. Сморкался-сморкался – не выхо-

дит. Бабушка в крик – и меня в поликлинику.

– Достали? Или у тебя теперь из носа гороховое дерево вырастет?

– Достали, – ухмыляется «тихий мальчик». – А через неделю опять привезли.

– Опять горошина?

– Не-а. Мы с пацанами рогатки делали. Классные получились рогатки. «Пробойков» из проволоки белой накрутили и давай стреляться.

– Попали? – понял я.

– Ага. Это все Вовка. У него рогатка больше всех. И резинка не от трусов, а от велосипеда. Как стрельнул! Прямо мне в глаз.

– То есть во второй раз ты не к лору, а к окулисту.

– Ага, – гордо кивнул Колька.

– Дальше что было?

– Потом мы с пацанами по грибы пошли. В лес.

– И там тебя покусал бешеный медведь?..

Поня Лола

Пояс верности

Так, встаньте дети, встаньте в круг, встаньте в круг, встаньте в круг. Я вам сказку расскажу, как тётей сложно жить. Особенно дяденьки собирайтесь в кучу. Плотнее, плотнее, не задерживаемся, сейчас буду раскрывать вам гениальный по своей простоте секрет супружеской верности. Как говорится, узнал сам – Расскажи другу.

Внимание, следим за Оксаниными руками!

Как-то раз я в ультимативной форме потребовала себя выгулять, ибо сколько можно. Вокруг только одна работа, работа и еще раз работа. В перерывах – борщ, чьи-то носки стоят под стулом, как оловянные солдаты, оценки в детском дневнике тянут ручки. И главное – очередной кот в очередной раз промазал мимо лотка, прямо в душу.

Время сжалось в одну точку, а ведь я еще так молода и прекрасна, плюс на горизонте маячила премия. Ибо гулять без цели – очень грустно и мне, и тебе, и ему, а вот гулять с полными пакетами очень ненужного – это и физкультура, и тантра, и «зачем нам все это надо?» одновременно.

Однако навязчивая реклама по телевизору и контекстная на экране монитора шептала соблазнительное.

– Оксана, ты помнишь себя триста лет тому назад? Строи-

ности твоей завидовала бамбуковая роща Сагано, что произрастает на западной окраине города Киото в парке Арашияма, неподалеку от дзен-буддистского храма Тэнрю-дзи. По степени тонкости, звонкости и прозрачности ты конкурировала со снежинкой, падающей на ладонь пятилетнего малыша, ну или с зарплатой бюджетника.

Но то было раньше.

Сейчас же... Вот тебе волшебное средство, которое соберет всю оставшуюся базовую красоту в могучую кучку и поднимет твою самооценку до былых высот. Даже прилавочные бабушки вновь будут называть тебя женщиной с низкой социальной ответственностью, только уже с припуском на винтаж.

Корректирующее белье – наш тебе ответ. Быстро собирайся и айда его покупать!

И я поехала на зов.

Одну меня в ночь не пустили: мой муж за меня же боится темноты, а за себя – чужих мужчин. У нас в стране страшный дефицит окольцованных женщин после сорока, разбирают вмиг, только выйди за порог.

Цель поездки осталась для него загадкой, я подумала – а пусть сюрприз будет.

Буквально на первом круге по торговому центру муж Женя стал сдавать. Вообще, аттракцион «сходи с благоверным в магазин, купи себе шмотку» я не практикую совсем. Зачем мне оруженосец, который ноет и сопит в затылок «Ну ма-

а-ам», гундит после ста метров ходьбы, что у него вспухла мозолька, бежит смотреть ножички и совершенно не способен сказать, что же на мне сидит лучше, потому что выучил главную супружескую мантру «я люблю тебя любую».

Короче, всеми силами мешает тратить непосильно нажитое. Один раз взяла его на распродажу – все прокляла. Но тут пришлось терпеть, причем всем.

Дошли до белья. В этом месте, к счастью, Евгения окончательно посетил сплин и тоска, плюс очень удачно рядом образовался закуток с играми для приставок, и он унесся в горизонт с криками: «Добби свободен!».

Женщина-продавец посмотрела на меня понимающе: бутик находился в самом конце длинных торговых улиц, шел десятый час вечера, действовать нужно было оперативно.

На ее вопрос о моем размере я прошелестела нечто нечленораздельное и распахнула куртку на манер паркового экспозициониста. Менеджер от бога хитро сощурилась и немного зависла в задумчивости. Мои природные данные лихо выпирали в окружающий мир, спасибо генам и бабушке-казачке со стороны папы. В теории нам с данными очень подходил чехол от кресла, но мы крепились и хотели изящности, а не каких-то там удобных компромиссов.

Через минуту продавец собралась и извлекла из текстильных недр одежду для кукол – по крайней мере, так на первый взгляд выглядела эта тряпочка.

Каким образом нечто в пять раз уже и меньше меня долж-

но было налезть на все выпуклости и впуклости, было загадкой. Но взгляд профессионала приказывал не вибрировать тут, а идти в примерочную. И ей хотелось подчиняться.

Следуя выданной к белью инструкции, я приступила к втискиванию. Для людей с обычной конституцией вход был один – через верх, то есть одеваться через голову. Внезапно оказалось, что такой способ проникновения в белье со мной не работает. Могучее бабушкино наследство не пускало меня в волшебную комбинашку, хоть убейся.

Для справки. Мама рожала меня три дня. Воды отошли на первые сутки. Так повелось, что с тех пор замкнутые пространства я не люблю. В детстве все боялась застрять в тесной майке. Спелеологи – сумасшедшие.

И вот стою я в позе «ручки к небу, ножки для устойчивости врозь», по периметру вся повязанная этой смирительной утягивающей рубашкой. Глубоко дышу, ибо страшно. На нерве истерично шучу – я всегда так делаю на нерве. Вспоминаю Плисецкую (про не жрать) и Кардашьян (тут просто вспоминаю). Продавщица интеллигентно ржет и просится ко мне в кабинку – помочь, ну или заснять для Ютьюба и сказочно обогатиться. Тут опционально...

Я в таком положении готова отдаться кому угодно, кричу: «Спасите, тетенька! Я больше так не буду, верните меня в чехол для кресла!».

Общими усилиями мы таки обтягиваем меня изделием легонькой промышленности. Я себе в нем напоминаю глав-

ный мужской думающий орган в контрацептивном средстве защиты, но не по размеру. Иных ассоциаций нет.

Секунд десять люблюсь на нулевой результат, далее на выдохе мы в четыре руки сдираем с меня эту текстильную пытку. Утираем пот, на сцене появляется второй экземпляр. Модификация «под платюшко». В этом «подплатюшке» я забываю, как это – нормально дышать, хотя на самом деле тренированный боец, у меня дома живут три корсета.

В процессе примерки в бутик радостно врывается мой муж Женя. Он требует зрелищ и семейной эротики «40 плюс». Только Евгений пришел сюда за одалиской в красивом нижнем белье, а в кабинке копошится неэстетичный червяк в скафандре. Зато глаза от натуги большие, причем у продавца тоже.

Дергая шторку, муж пытается прорваться внутрь. Я одной рукой борюсь со средством красоты и стройности, другой задерживаю занавеску с криками: «Иди, иди отсюда, мальчик!». У меня ведь есть отличный план – прожить с ним долго и счастливо. На что человек с моей фамилией в его паспортном штампе обиженно дует губу: «А что, мне даже посмотреть нельзя?». И снова убегает куда-то в недра торгового центра, к своим братьям по разуму – мужьям на выпасе. На пятачках зон для отдыха они сбиваются в стаи серых в яблоках коней и сидят там с грустными глазами и с пакетами.

Тем временем я, вся в поту и мыслях, смотрю на отражение в зеркале, и оно эффекта «вау» не показывает. Жалуюсь

консультанту, что в это нельзя проникнуть без посторонней помощи. Мне парируют наличием рукастого мужа со стальными нервами, а быть женщиной-загадкой в моем положении поздно. И потом, такое натянуть – уже физкультура.

Я грущу, вздыхаю и почти соглашаюсь с безысходностью, но таки покупаю облегченный вариант брони, где есть шанс одеться самостоятельно. Дома, под пустырник, нахожу свой индивидуальный способ засупониться – белье надо надевать через ноги, почти нетравматично.

А вот теперь о главном.

Дорогие мужчины, опытным путем на одной женской женщине было установлено, что корректирующее белье – это адов аналог пояса верности. Надеть подобное можно, только имея под рукой ловкого помощника с нулевым темпераментом и нервами из стали. И если ваша женщина в такое влезла – будьте уверены, враг не пойдет, в смысле никому ваше богатство не достанется. Ведь показаться в таком живому, неконтуженному совместным бытом воздыхателю – значит, поставить на себе крест как на нимфе и неземном существе.

Это совсем несексуально, это кошмар, зато без бельевых швов.

Если вы сомневаетесь в верности своей подруги, если вам хочется каких-то гарантий, пока вы вдали от дома, – покупайте ей корректирующее белье.

И чем уже, тем лучше, чтобы наверняка. Соврите даме, что в нем она – сама грация.

И все, вы в дамках, зуб даю, свистящий.

Баграт Саруханов

Последний штурм

Как-то раз бравый капитан флота (будучи тогда младшим офицером) повез свою супругу лечить зубы. Поездка отличалась тем, что супругу ожидала не банальная пломба, а установка коронки. Доверить столь ювелирную работу моряк мог лишь лучшему специалисту, а посему направлялись они не куда-нибудь, а в больницу при Академии Наук СССР, где работал его дядя, местный стоматолог. Замечательный специалист, правда всего на шесть лет превосходящий по возрасту племянника.

– Не бойся, дорогая, – будучи любящим и заботливым супругом, капитан всю дорогу успокаивал свою благоверную, – ничего страшного и болезненного не будет. Простая примерка, и все.

– Дорогой, я это знаю, – в очередной раз отвечала супруга. – И, если ты не хочешь стать следующим его пациентом для вставки всех зубов, прекрати меня бесить.

Радушно приняв гостей, дядя осмотрел обточенный им же зуб капитанши. Удовлетворившись увиденным, он предложил даме руку, приглашая в свой кабинет на примерку и подгонку.

– Я тебя тут подожду, дорогая, – с нежной любящей улыб-

кой приободрил моряк супругу.

– А ты пока готовься, – вдруг, улыбнувшись, сказал дядя офицеру. – Меня твой кривой зуб давно раздражал. Так что удалю и сделаю тебе красивую коронку. Все равно он без нерва, больно особо не будет.

Старательно скрывая внезапную бледность кожи, племянник вежливо кивнул носителю клятвы Гиппократу, изображая щенячий восторг от открывающихся перспектив широкой улыбки во все оставшиеся 27 зубов. И, пока по ту сторону кабинета раздавался неповторимый звук работающей ременной бормашины, бравый флотский лихорадочно разрабатывал в голове план стратегического отступления.

Ввиду нахождения кабинета на пятом этаже капитан сразу же отменил план «А» (акробатика), заключающийся в картинном прыжке в окно. Теоретически завершающийся на дереве на высоте четвертого этажа, практически он мог закончиться на асфальте подле местного представителя флоры. Поэтому, не желая делать из офицерской жены офицерскую вдову по столь мелкому поводу, моряк прибег к не столь зрелищному, но не менее эффективному решению, разработанному его сухопутными коллегами. В соответствии с данным планом, он подошел к дядиной куртке, висящей на вешалке, и, выудив кое-что из кармана, направился к выходу «покурить».

Вечер, улица, фонарь, двор поликлиники. Прекрасный редкий декабрьский снег в Москве. Он медленно опускается

на дорожки, плавно и незаметно укутывая их в белую шубку... Романтичность сегодняшнего вечера, однако, плавно, слой за слоем, сдиралась по мере построения новых этажей мата. Автором экстравагантных словесных конструкций являлся не ждущий аплодисментов работник зонда и бормашины. Сейчас он, прямо в белом халате, требовательно барабанил в боковое стекло собственного автомобиля, коварно захваченного. Страшные пророчества о возможном изменении прикуса, вывихе челюсти и столкновении Земли с небесной осью должны были, по задумке начинающего мерзнуть автора, убедить, наконец, обороняющегося в тщетности попыток оттянуть неизбежное.

Гарнизон же неприступной цитадели производства Волжского Автомобильного завода из одного человека, сжавшегося на переднем сиденье, в ответ брал новые высоты децибел в исполнении бессмертного хита «Смелее, товарищи, все по местам...».

Распугивая ворон, членкоров Академии Наук и вышедших перекурить коллег, именитый врач взывал к совести оккупанта, присяге, к половой принадлежности и доказательству того, что он может когда-нибудь стать дедушкой, а не бабушкой.

Ввиду всего крошечной разницы в возрасте отношения дяди с племянником выглядели скорее отношениями братьев, что, несомненно, влияло на неформальность общения по любой теме и по любому вопросу. Сейчас подобная обо-

юдная непринужденность достигла своего пика.

– Вылезай немедленно, трус! – требовательно зывал штурмовой отряд в составе стоматолога, халата и огромной мотивации добраться и до больного зуба, и до его счастливого обладателя. – Будь мужиком! Ты офицер или кто?!

– Дядя, раз ты закончил ставить моей жене коронку, то иди одевайся, и поедем домой, – пытался успокоить его племянник.

– Я переоденусь, когда ты, зараза, выйдешь из машины, пойдешь со мной и дашь, наконец, убрать этот чертов зуб! – ответил ему спаситель прекрасной улыбки офицерской супруги, все еще находящийся под впечатлением от коварной выходки собственного племянника.

Попытка офицера миролюбиво улыбнуться обернулась демонстрацией зуба, подстегнувшей энтузиазм врача убедить племянника вывесить белый флаг и торжественно проследовать в царство маленьких жужжащих дрелей, щипцов и неудобных кресел с лампами.

– Ты же моряк, почти капитан! Какой ты пример своим подчиненным подаешь?! – Фигура в белом халате, возмущенно топорща усы, уперлась руками в капот, играя в гляделки с бравым офицером. – А если они тебя увидят с этим зубом, который в сторону торчит?!

– Не увидят, дядя. Они, когда я на посту, с поручениями носятся, им не до разглядывания зубов начальства.

По истечении четверти часа, когда даже делавшие став-

ки академики согласились на ничью и разошлись, врач, устало махнув рукой и пожелав племяннику поиметь рогато-хвостатого приятеля в качестве компании, отправился переодеваться. Спустя еще пять минут он вместе супругой моряка спустился вниз, раздраженно глядя на мило улыбающегося ему племянника, который так услужливо распахнул перед ним водительскую дверь.

– Я тебе этот зуб удалю, понял? Именно я тебе его и удалю, – красноречиво пообещал едва ли не мурчащему от счастья, как увернувшийся от тапки кот, офицеру дядя, пока они ехали к нему отмечать обновленную улыбку его супруги. – Сам ко мне приползешь через год, чтобы я удалил его.

Прогноз дяди сбылся частично. Неутомимый желтый резец пережил распад страны, несколько путешествий и даже встречу нового тысячелетия. И вот спустя много лет отставной, но не ставший менее бравым капитан вместе с супругой вновь оказался на приеме, на этот раз в частном кабинете дяди.

– Ну, проходи, – приглашающим жестом и с непонятным для офицера торжеством сказал жрец бормашин.

– Прошу, дорогая, – начал было капитан, но, к своему удивлению, обнаружил, что жена стоит позади, закрывая выход из кабинета.

– Нет-нет, племянничек. Сегодня я начну с *твоего* зуба.

Прикинув кокарду к носу, капитан осознал, что куртка с ключами от машины дяди заботливо упрятана в шкаф. Свою

куртку он оставил в гардеробе. Спасительную дверь для «покурить» перекрыла жена. Да и курить он бросил. А вариант «А» отпадал, поскольку, бросив курить, он перестал пролезать в оконный проем.

Через пару минут капитан лишился уже безнадежно шатавшегося кривого костяного приятеля. Больно действительно почти не было. И все жили долго и счастливо. Кроме зуба.

Юлия Чаглуш

Гладиатор

В принципе, я – счастливая семейная женщина, у которой под боком имеется любящий супруг, двое разнополых детей и один наглый кот по кличке Жуть. Но мое вполне себе безмятежное существование на этом свете отравляют четыре всадника апокалипсиса, методично превращающие мою жизнь в серые, унылые будни. Это мытье грязной посуды, оставшейся после ужина, вытирание пыли, заправка одеяла в пододеяльник и... глажка белья!

В один из достопамятных дней я не выдержала, воздела руки к небу и заорала на всю Вселенную: «За что-о-о?!». Вселенная вздрогнула и виновато подсунула посудомоечную машину и волшебные салфетки для уборки. Когда же я недвусмысленно указала на то, что список подарков не полон, Мироздание посмотрело на меня матом. Тоже недвусмысленно. И обещало на ближайший праздник подогнать мне губозакаточную машину.

Закончив на минорной ноте сеанс прямой связи с космосом, я посоветовалась с мужем, и мы приняли гениальное по своей простоте решение – вообще не заправлять одеяло в пододеяльник. Конечно, в этом нам помог климат, в котором мы обитаем. Холодов у нас практически не бывает, а если

уж и становится некомфортно, то из темного комода на свет появляются махровые простыни и – вуаля!

Но вот гладка осталась для меня камнем преткновения в череде домашних дел. Я бы даже сказала, памятником моей прокрастинации и отвращению к этому бессмысленному занятию. Надгробием, под которым похоронен мой орден «Отличник быта». Последним гвоздем, вбитым в гроб моей нервной системы. Потому что стоит мне открыть шкаф, где спрятан этот скелет (зачеркнуто) ворох белья, как меня тянет на философию и познание устройства этого брэнного мира юдоли и скорби.

Зачем мне и моим домашним столько барахла? Откуда эта страсть к стяжательству? Почему я не родилась в Африке, где из одежды носят только бусики и набедренные повязки? К чему гладить это все, когда максимум через полчаса надетые на людей вещи возвращаются в свое привычное состояние и снова похожи на нечто, вытащенное из естественного выходного отверстия?

Какое-то время я пыталась воспользоваться одним из многочисленных советов из тренинга по психологии семейной жизни. На официальном языке эта волшебная мантра звучит как «делегируй обязанности». На простом русском – несколько попроще, но смысл не искажает: «Сами гладьте свою одежду, я вам не домработница!». И знаете, что я вам скажу, достопочтенные коучи? (Да простит мне Мироздание это непотребное слово!) Ваши советы, мягко сказать,

малоэффективны. А если уж по правде, то идите вы... Потому что, как оказалось, мужнины рубашки и футболки сына составляют всего десять процентов от общего объема вышеобозначенной проблемы и ее, проблему, не решают в принципе.

В общем, рано или поздно в жизни каждой женщины наступает тот самый день. День, который она решила посвятить глажке белья. День, вычеркнутый из жизни и судьбы. Сегодня я – гладиатор (от слова «гладить»)! Собираю всю свою волю в кулак, поджимаю губы, делаю глубокий вдох и с криком «Идущие на смерть приветствуют тебя!» решительно распахиваю дверцы шкафа.

Вот она! Во всем своем великолепии! Монблан и Эверест в одном флаконе. Моя личная Голгофа. Олицетворение страдания и мученичества во славу прилично одетой семьи.

Если хорошенько покопаться, то в этой Пизанской башне можно найти любимую летнюю футболку, официально признанную пропавшей без вести, коробку от позапрошлого года новогоднего подарка, спящего кота, яйцо динозавра, а на самом дне – пять новых сюжетных линий.

Но отступать некуда. Рубикон перейден. Меня спасет спокойствие, терпение и выдержка. С грохотом ставлю гладильную доску, достаю с верхней полки утюг, включаю в розетку, пыхаю паром в сторону притихшего семейства и начинаю гладить.

Те же коучи, о которых я упоминала выше, действительно

советуют при глажке думать о чем-нибудь хорошем. И вообще утверждают, что этот процесс сродни медитации. Интересно, они сами пробовали хоть раз погладить за один присест четыре комплекта постельного белья и пять скатертей? Если да, то они – йоги, достигшие просветления. Хотя мне кажется, что под словом «медитация» они имели ввиду совсем другое, потому что лично у меня, когда глажу очередную наволочку, возникают мысли, как при плохом сексе: «Лучше бы на работу пошла» и «Когда же это закончится?».

Самое лучшее, что можно извлечь из данной ситуации, – это право на внеочередной просмотр «Властелина колец». Мое живое воображение рисует меня в гуще битвы, где я, размахивая здоровенным мечом, с воплями «За Фродо!» крушу направо и налево орды воинствующих орков. Время в пылу сражения летит незаметно, настроение на высоте, а гора неглаженного белья потихоньку уменьшается в размерах...

«Зай, ты скоро закончишь?» – вкрадчивый голос мужа вырывает меня из кровавой борьбы за освобождение Средиземья. А я ведь уже почти дошла до Роковой горы.

Оборачиваюсь и смотрю на благоверного взглядом соседского ротвейлера, в котором сквозит всеобъемлющая любовь и нежность. И еще интрига по поводу того, какое полупопие у него вкуснее, левое или правое?

Никогда не мешайте женщине гладить. Старайтесь не начинать разговор первым, а лучше – посмотрите на нее внимательно, запомните ее лицо. Потом желательно удалиться с

глаз долой. Потому что неизвестно, о чем она думает в данный момент. Вполне возможно, что она крушит орды орков, пишет в уме очередной рассказ или вспоминает самый плохой секс в ее жизни. Не рискуйте, в общем.

И еще у нее в руках горячий утюг.

Евгения Ерофеевко

Не первое, но важное слово

За окном дождь. Капли ползут по стеклу. Каждая своей дорожкой. А вот две объединились, стали одной. Я представляю, что это водное чудовище начинает поедать своих собратьев.

– Ленка, ты опять сидишь на этом кресле, ну-ка геть отсюда! – гневно хмуря брови, восклицает бабушка.

Я послушно слезаю с неустойчивого кресла, переносу вес тела на край, сиденье переворачивается, я съезжаю по нему и падаю на пол.

Мне смешно, а бабушка испуганно поднимает меня, ворча под нос, что нельзя меня оставить ни на минуту.

– Бери азбуку, пошли читать, – командует бабушка.

Читать не очень весело, но лучше, чем сидеть одной. Беру на печке зеленую картонную коробку, открываю и вдыхаю запах дерева. Квадратики небольшие, удобно вмещаются у меня в руке. Буквы как будто прячутся в своих деревянных домиках, они выжжены по контуру несколько раз, чтобы быть ярче и значительнее картинок рядом. Бабушка выкладывает слоги, и мы вместе повторяем: «М, А – ма. М, О – мо». Бабушка больше тридцати лет проработала учительницей в начальной школе, свое дело знает.

– А теперь напишем. – У бабушки получаются красивые и изящные буквы, а у меня – дрожащие, да еще и разного размера.

Читаем дальше. Слоги превращаются в слова: мак, кот, лес. Бабушка, как умеет, рисует, а мое воображение уносит меня в мир, где маковый кот идет по перевернутому верх ногами лесу.

Слова становятся сложнее, и моя бабулечка уже не может их изобразить: каша, сало, си-ла, ко-за.

– Ба, нарисуй козу! – умоляюще прошу я.

Бабушка сердито отнекивается, потом соглашается. Видно, что старается, но, похоже, она умеет повелевать только буквами, а разные зверюшки, как, например, эта коза, яростно упираются и не желают жить на бумаге.

– Ба, а почему у козы пяточок, как у поросенка? А почему у нее усы на лбу? А как коза может бегать на таких худеньких ножках?

– Не получается у меня рисовать, пусть мама твоя приходит и рисует, у нее лучше выходит.

Вечер. Приходит с работы мама. Наскоро ужинает и садится проверять тетради, она тоже учительница.

– Сегодня контрольные, весь день по классу ходила, чтобы не списывали. Устала, ноги гудят, – поглаживая икры вверх-вниз, пожаловалась мама.

Я легла к маме на колени, прижала ухо к ногам, прислушалась.

– Мама, я не слышу, как ноги гудят!

Мама рассмеялась, растрепав мои короткие волосы.

– Глазастик мой кареглазый, это оборот речи такой.

Мама умная, рассказала, что в речи есть поворот, который ведет туда, где слышно, как ноги гудят, значит, так и есть.

Последним пришел папа. Я бросилась к нему навстречу. Он поднял меня и посадил на плечи.

– Но, лошадка!

– Лена, дай папе отдохнуть!

– Папа, а мы ходим погулять?

– Да, через полчаса.

Половинка часа тянулась медленно.

Наконец мы вышли в еще теплый сентябрьский вечер. Остановились на нашем любимом месте у реки.

Мягкий песок легко проскальзывает между ладошек. Когда мне надоедает возиться с песком, папа достает из кармана кусочек хлеба и бросает в воду. Через секунду вода начинает бурлить, словно в чайнике. Это мекая рыбешка жадно отщипывает кусочки от лакомства.

– Папа, я тоже хочу бросить!

Мои крошки редко долетают до воды, чаще остаются у кромки берега.

Это замечает пролетающая мимо чайка. И вот черная горбушка быстро исчезает в клюве птицы. Ее хитрый глаз пристально смотрит, наблюдая за каждым жестом, ожидая новой порции еды.

Тут нашу идиллию прерывает противный голос:

– О, Валера, здравствуй! Как хорошо, что я тебя увидела.

Мне надо лестницу починить, сможешь прийти?

Чайка улетает, а взрослые начинаю долго и нудно говорить.

Наконец тетка обращает внимание на меня.

– А это дочка твоя, совсем большая, сколько ей?

– Леночке недавно четыре исполнилось, а она уже читать умеет, – похвастался мной папа.

– Ну пусть почитает.

Женщина взяла прутик и на влажном песке начертила буквы.

Я присела и старательно, как учила меня бабушка, следя маленьким пальчиком, четко называя каждую букву, читала: «Ж, О – жо. П, А – па. ЖОПА!».

Я удивленно посмотрела на отца. Он улыбался в усы. Дамочка рассмеялась бляющим смехом: «Ге-ге-ге, правда умеет!».

– Па, с бабушкой мы это слово не читали...

И, решив попытать удачи, я попросила странную тетку: «Нарисуйте мне жопу».

Тетя, продолжая смеяться, нарисовала круг и разделила чертой пополам.

– Нисколечки не похоже! – разочарованно протянула я.

– Может, это и к лучшему, – многозначительно ответил папа.

Паласатое

Вся жизнь – театр

У женщин есть особое свойство – делать простое сложным. А у красивых женщин это свойство умножается на три. Иногда на шесть. Но красивым сложность можно простить. А что делать со страшными?

Ой-ой, простите, девочки, я заблуждался. В каждой из них есть красота, только она живет на разных этажах.

Мне нравятся женщины, у которых красота и на верхнем этаже, в голове (не знаю, как правильно классифицировать, на галерке или в партере), и на нижнем. Люблю красивые коленки.

Я женился именно так – посмотрел на коленки. Ух ты! Потом перевел взгляд выше, в глаза. Женщины любят, когда им смотрят в глаза. Типа пытаются постичь их загадочную душу.

Глаза не уступали коленкам. Марина стояла в холле кинотеатра «Солярис», притягивая к себе взгляд, как тарелка инопланетян.

– Здравствуйте, у вас такие коле... тьфу, глаза, что в них тонешь.

– Ну здравствуйте, а вы кто?

– Царь, просто царь. И мне нужна царица.

– Может, начать с принцессы?

И так легко. С подколом. Вот он, верхний этаж в действии. Другая бы треснула сумочкой по голове или смотрела оленьим взором.

– Принцессы – драконам. А нам, царям, особо выбирать не приходится. Царица – и точка.

– Жаль. Так хотелось встретить дракона...

Этого дракона я ей вспоминал десять лет жизни. Даже сына Пашку предлагал назвать Иггдрасилем.

– Пап, ну вот зачем ты меня назвал Пашей? Меня в школе Светка дразнит Пашкой-дурашкой.

– Это она просто неровно к тебе дышит, свет мой. Ты отвечай ей, что Светке-конфетке слова не давали.

– Ага, скажешь ей такое... Она потом меня какашкой зовет.

– Ты тогда подумай, какую бы рифму она придумала к Иггдрасилю?

Сын задумался. Потом неуверенно предположил:

– Ковид?

Никакого чувства рифмы. Весь в маму.

– Траву косить! И уносить!

Сын хохочет так, что прибегает Маринка.

– Вы чего тут ржете? Я вас оставила помыть посуду и плитку, а вы веселитесь.

– Мы моем, моем. Вон уже три ложки в лоток положили. А куда нам торопиться, в субботу?

Жена уставилась на меня с подозрением.

Знаете, как смотрит жена с подозрением? Мол, а не спрятаны ли у тебя в лотке с ложками три любовницы и неучтенная банка коньяка?

Я ответил чистосердечным взглядом. Никаких любовниц, дорогая. А для банок есть гараж.

– Ты забыл, мы сегодня идем в театр?!

Бли-и-и-ин. Блин! Забыл.

– Конечно нет, зайка моя.

– Я тебе дам зайку! Галстук нашел?

Не нашел. Я его в прошлом театральном сезоне в солидол нечаянно макнул, когда в гараже в яму лазил. Там он и остался. Я им крышку банки с солидолом подоткнул.

– Нашел. Но ты в курсе, что он уже немодный?

– Сам ты немодный.

– Мань, ну зачем мне галстук, а? Я буду в джинсах и белом джемпере. Ты мне его для чего тогда покупала? Чтобы я в нем колеса менял на зиму?

– Ну ладно, – сдаваясь. – Но не в джинсах, а в серых брюках!

Туше.

Марина уехала делать маникюр, прическу и массаж ягодичных мышц. В театре очень нужны ягодичные мышцы.

– Пап, вы там в театре долго не заседайте, – предупредил чуткий ребенок. – Я-то сегодня с дедом буду до ночи в «Доту» резаться, за вами проследить некому.

Господи, не ребенок, а килограмм персиков. Бабушка уехала на две недели в санаторий, дед Митя отрывается по полной. Он от внука недалеко ушел, два сапога пара. У них даже ямочки на щеках одинаковые.

Дед приехал за Пашкой в три часа дня, а жена так и не вернулась с процедур ягодичной красоты.

Позвонил в четыре.

– Марин, ты помнишь, что у нас театр в шесть часов?

– Да я уже бегу. Бегу. У парикмахера на мне фен сломался.

Кстати, это какая-то загадочная особенность Маринкиного биополя. Я ей не даю никакие электроприборы. В ее руках взрывается и горит все – моя бритва, сотовые телефоны, микроволновки и пылесосы. Странно, что я до сих пор целый. Как утверждает жена, если во мне и был терминатор, то он давно перегорел.

Появилась дома в пять двадцать восемь, с прической а-ля Мэрилин Монро, маникюром со звездами и офигенными ягодичными мышцами!

Прическу щупать нельзя, я знаю. Маникюр пусть сохнет себе. Но вот мышцы же можно потрогать?

– Да куда ты тянешь свои проводки? Видишь, у меня юбка наглажена. Царь ты или конюх?

– Она была наглажена до парикмахерской. А сейчас ей уже все равно, как и конюху. Марин, давай еще десять минут потратим на массаж. А юбку ты новую наденешь, вон ту, с кактусами на белом поле.

– Вова! Я билеты за месяц покупала! На этого режиссера у нас весь отдел уже сходил!

Десять минут! Ха! А этих режиссеров – туда же. К драконам.

Зря я вспомнил про драконов. Затарахтел телефон, это Иггдрасиль решил напомнить, чтобы мы не опоздали в театр.

– Спасибо, свет мой. А то мы тут сидим, пьем чай с плюшками, забыли про всякие театры...

– Я же молодец, да, пап?

– Ты – чемпион!

Пока я разговаривал, Марина уже сменила юбку и нетерпеливо перебирала лапками у двери.

– Бежим! А то наши места займут!

– Господи, да кому там нужен наш шестой ряд! – это уже натягивая белый джемпер и джинсы.

– А где серые брюки?! – негодуя.

– Они мне в талии жмут. Нефиг меня на ночь пельменями кормить.

Маринка фыркнула – и мы полетели на свободу.

Свобода продолжалась до дверей лифта. В пять сорок три лифт встал на четвертом этаже насмерть. Я тряс дверь, жал на все кнопки, орал: «свободу неграм!».

Лифт не сдавался.

Я вызвал дежурного. Печальный голос сообщил мне, что все техники на вызове.

– А все – это сколько? – уточнил я.

– Один, – так же печально ответил дежурный. – Ожидайте.
И отключился.

Мы с Маринкой переглянулись. Хорошо, что я джинсы надел. И в туалет сходил перед выходом.

А вот жена – нет. Это тоже чисто женское, вспоминать про туалет в неожиданных местах.

– Вова, – побледнев, сказала она. – А куда я... э-э-э... если прижмет?

– В сумочку, – подбодрил я ее. – Потом новую купишь.

– Ты с ума сошел! – взвизгнула Маринка. – Итальянская сумка за двадцать три тысячи?!

– Ты же говорила, шесть пятьсот?!

Она надулась и отодвинулась в дальний угол, к зеркалу, украдкой поправляя кактусы на юбке.

Я снова нажал кнопку вызова дежурного.

– Любезный сеньор, не могли бы вы выслать нам экстренную помощь? Жена рожает.

Дежурный на том конце провода не изменил интонаций.

– Вы третьи в очереди.

– Я на вас жалобу напишу, в администрацию Президента, – сообщил я. – Марин, может, нам и правда девочку еще родить?

– Да, прямо сейчас и займемся. – Жена еще дулась.

Техник пришел через сорок минут.

– А где новорожденный? – хохотнул он.

– В библиотеке сидит, штудировает литературу по непороч-

ному зачатию, – огрызнулся я. – Вы бы хоть лифты сменили на какие-то свежие версии. В этих же скоро полы провалятся и папоротник зацветет.

– У вас по условиям капремонта кабины будут менять в 2027 году. Крепитесь. Ходьба пешком тренирует сердечную мышцу.

Юморист, блин.

Мы вышли из подъезда и посмотрели на вечернее небо.

– Ко второму акту успеем, – предположил я. – Едем?

– Подожди, я сбегая домой. Мне надо.

– Только в лифт не садись! – крикнул ей вдогонку.

Мы успели к третьему акту. Маринка еще сменила юбку на джинсы.

На сцене целовались. Мужик преклонных годов небрежно держал в объятиях даму в рюшечках. Мне показалось, что она умерла, потому что была бледна и недвижна.

Я со значением посмотрел на жену.

– Даже тут целуются, обрати внимание. Мы это могли и сами дома делать. Тем более Пашка с дедом рубят врагов в интернете. Поехали домой, а?

– Погоди, посмотрим хотя бы финал.

– Да это и так финал. Все умерли. Он ее сейчас доцелует, потом женится и выйдет режиссер со значительным лицом.

– Вы долго там будете возиться? Поговорите дома!

Это на нас уже шикнули ценители прекрасного с соседних кресел. Подумаешь, цацы. Мы тут хотя бы попкорном

не хрустим, а внимаем.

Маринка шлепнула меня по колену, но сама уже сдерживалась, чтобы не засмеяться.

– Вова, кончай. А то нас выведут под белые ручки в холл.

– Ну и хорошо, пойдем в буфет и нажремся шампанского по две тысячи за бутылку.

– Да щас. Бутылку грузинского вина за глаза.

– Две, – начал я торговаться. – Ты одна выпьешь полкило винишка в одно лицо.

– Ладно, две, – сдалась жена.

Сзади нас пнули ногами. Вот они, театралы от сохи. Никакой интеллигентности в поведении.

Еще тридцать минут мы смотрели театральное действие. Мужик доцеловал тетку в рюшках, потом умер. Прибежали посторонние люди и пытались его откатать. А может быть, они просто танцевали, я не понял. Тетка порозовела, схватила какую-то книгу со стола и убежала за кулисы.

За ней побежали все остальные, размахивая руками. Наверное, догнали.

Потом сцена сменилась, внутренний интерьер дома превратился в сарай. Там тоже целовались, уже на сене.

– А как называется спектакль, дорогая?

– Вообще-то, это классика, грех не узнавать сокровища литературы, – цыкнула Маринка.

– «Идиот» Достоевского?

– «Евгений Онегин» Пушкина!

Ох ты, святые бегемоты.

Я собирался найти в толпе актеров Онегина, и тут спектакль закончился. Я попытался вскочить, но Маринка дернула меня за джемпер.

– погоди, сейчас будут выходить на финальный поклон! – шикнула она.

– Вино же до десяти продают, – шепнул я ей. – У нас всего двадцать минут до ближайшего «Ашана».

Мы начали пробираться к выходу по чужим ногам, вызывая бурю литературного негодования, в том числе нецензурного.

– Нет, ты видишь этих театралов? – возмутился я, уже в дверях. – Они и вина не пьют, и в кружевные платки сморкаются, однозначно.

Выскочив на улицу, мы рванули к машине, где прохохотались уже основательно.

– Две бутылки! – поднял я указательный палец перед носом жены.

– Да ладно, ладно. Но мне – красного полусладкого!

– Договорились.

В магазин мы заскочили в двадцать один сорок пять. Еще десять минут искали полки с алкоголем, а потом еще три минуты кассира, который где-то бродил.

В десять ноль-ноль нас снова проконтролировал сын.

– Ну как спектакль? – спросил он. Звуковым фоном шумели выстрелы и крики на английском.

– Кто побеждает? – поинтересовался я.

– Пока дед, – деловито ответил Пашка. – Но на последнем раунде я его сделаю.

– Только не убивай его до смерти. А спектакль – огонь!

Ты «Евгения Онегина» помнишь?

– Ну... что-то такое в школе проходили.

– Так вот, он умер.

Но Пашка уже бросил трубку.

На свой шестой этаж мы поднимались по лестнице, прижимая к груди бутылки с грузинским вином. Я – с белым сухим, Маринка – с красным полусладким.

– А она ведь его не разлюбила, – задумчиво сказала Маринка уже на кухне, разглядывая в бокале винную жидкость.

– Возможно, – согласился я. – И знаешь, какая мораль у этого сюжета?

– Какая?

– Надо жить с тем, кого любишь.

И я поцеловал ее в розовые, пахнущим терпким винным ароматом губы.

Вера Шахова

Поход

– Судя по направлению, мы идем не в поход, а в гости к лешему.

– Или к кикиморе.

– Если, конечно, нас раньше комары не съедят.

– Не бойсь, все идет по плану! Папкин навигатор не врет! – подбадривал младших сестру с братом Юрка.

Прошли всего-то пара часов, как они в походе, а мелкие уже ноют. Юлька тащит в руках огромную плюшевую лису, на голову которой надета мамина парадная шляпа, а хвост спрятан под маминой же любимой плиссированной юбкой, цепляющей на себя все шишки и иголки. Создавалось ощущение, что за юбкой бежит и подпрыгивает выводок ежат. Юлька в это время бубнит на ухо брату Мишке, что Юрка решил их Бабе Яге скормить, чтобы остаться единственным любимым ребенком и не делиться конфетами.

Мишка потихоньку кидает на землю угольки для розжига из мешка, чтобы впоследствии найти дорогу домой, если Юрка его с сестрой и вправду в лесу оставит. Взять уголь для костра была идея старшего брата на случай, если дров не найдут, а костер разжечь надо будет.

Также с ними в поход увязалась Сонька, здоровенная баб-

кина овчарка, перегрызшая ради такого случая веревку, на которую ее обычно привязывали сторожить двор.

О походах – с ночевкой в палатках под звездным небом – Юрка часто слышал от отца, когда тот вспоминал свою студенческую молодость. И, проникнувшись романтикой ночных костров и песен под гитару, решил осуществить свою мечту, дойдя до лесного озера. Тем более что родители привезли их к бабушке на все лето, с наказом набираться сил и уму-разуму. Одну ночь отсутствия из трех месяцев вряд ли заметит рано ложившаяся спать баба Маня. А вот ума-разума у Юрки точно прибавится!

Из отцовских рассказов мальчишка знал, что надо брать с собой палатку, консервы, спички и нож. У бабушки палатки не нашлось ни на чердаке, ни в подполе; даже в сундуке, в котором мыши организовали себе уютное гнездо, ее не было. Зато нашлась огромная красная бархатная скатерть с кистями. Очень плотная и мягкая. Справедливо решив, что если ее растянуть на колышки, то будет совсем не хуже, чем в палатке, Юрка засунул ее в сумку на колесиках. Поскольку опять-таки здраво рассудил, что сумка на колесиках гораздо более удобная вещь, чем рюкзак. И тащить ее на себе не надо. Сама катится.

За этим занятием его и застал Мишка, напросившись в поход вместе со старшим братом, иначе он все расскажет бабушке и та выплет Юрке по первое число.

Юлька усмотрела, что братья лезут в погреб, как раз в тот

момент, когда решила попить водички. Зашла на кухню, а в темной дыре в полу кухни скрылась вихрастая голова старшего брата Юрки.

– А чего это вы там делаете? – поинтересовалась она и присела рядом с квадратной дырой.

– Уходи, – крикнул Юрка, – девчонкам тут делать нечего!

– Ах так? – возмутилась Юлька. Она обошла люк с другой стороны и захлопнула крышку. А для верности еще и на защелку закрыла. – Вот и сидите там, пока бабушка с рынка не придет!

Пару минут в подполе было тихо. Потом раздался звон бьющихся банок, вскрики, сопение и обещание показать Юльке, где раки зимуют. Пятилетке про раков было неинтересно слушать, поэтому она спокойно сидела и ждала, пока ей пообещают самую большую шоколадную конфету за освобождение из темного подпола. То, что там нет света, Юлька точно знала: еще вчера сосед по просьбе бабушки все проверил и сказал, что там что-то сгорело и, пока он это не поправит, придется со свечкой ходить.

– Юль, открой, а? Мы тебе варенья банку дадим, – подал голос Юрка.

– Малинового? – не сдавалась сестра.

– Ага. Только быстрее открывай, пока Мишка все банки не побил.

Сопя, поднатужась, Юлька приоткрыла крышку подпола и потребовала вначале дать ей банку с вареньем, а после уже

позволила вылезти братьям.

И вот теперь Юрка шагал по лесной тропинке, ориентируясь по отцовскому навигатору и таща за собой упиравшуюся всеми колесиками тележку, которая скрипела, спотыкаясь о корни деревьев, путалась колесиками в траве и хваталась за все колючки на пути. В ее широкой сумке стучали друг о друга банки с вареньем, килограмм печенья, бутылка вишневого сока, губная гармошка и сухарики для Сони.

– Раз, два, на месте стой! – махнул рукой Юрка. – Привал!

Мишка с Юлькой рухнули на траву и растянулись во весь рост. Сонька весело прыгала вокруг них, тыкаясь носом в лица с призывом поиграть.

– Вы чего разлеглись? Кто палатку будет ставить? Ищите дрова и воду! – скомандовал Юрка.

– А где искать? А много? – спросил Мишка.

– А мне надо в туалет, – заныла Юлька.

– В туалет – это туда, – махнул в сторону кустов Юрка.

– Куда «туда»? – не поняла Юлька.

– Туда!

Юлька пошла в указанном направлении. Вернувшись через пятнадцать минут, дернула брата за рукав и, сделав большие глаза, прошептала:

– Юра, там нет туалета!

– Как это нет? – удивился старший брат.

– А вот так. Туалета нет, а медведь есть!

– Какой медведь?

– Как из мультика, только без велосипеда и домика.

– И что ты сделала?

– Я хотела познакомиться, а он не хотел! Какой-то невежливый медведь.

– И?

– Пойдем со мной. Ты покажешь мне, где там туалет, а я тебе – мишку. Может, он с тобой захочет подружиться, а потом и меня не станет стесняться. Просто, может, он решил, что у меня уже есть медведь, а у меня только лиса в маминой шляпе есть.

Юрка подобрал с земли большую палку и, решительно взяв сестру за руку, сказал:

– Веди!

– А палка тебе зачем? – поинтересовалась Юлька.

– Я ее в медведя кину! – ответил Юрка и гордо выпятил грудь.

– Интересно, а ты много видел медведей, которые хотят познакомиться, если в них что-то кинуть? – вздохнула Юлька и высвободила ладонь из руки брата. – Эх, мальчишки, всему вас учить надо.

– Чего? – переглянулись мальчишки.

– Запомните: медведи – тоже человеки! Им нежность нужна и ласка! Я лучше Алису с собой возьму. Она больше вас понимает.

Юлька взяла лису и потащила ее в ту сторону, откуда только что пришла.

– Стой, сумасшедшая! – Юрка рванул было за сестрой и остановился, увидев, как им навстречу выходит медведь.

– Полундра! – прошептал Юрка и юркнул в кусты.

– Мамочка, помоги! – Следом за ним в те же кусты юркнул Мишка, а за ним туда же спряталась Сонька.

– Странно. Они только что были здесь, – вышла из-за медведя Юлька. – Ладно, я тебя и так угощу. Ты какое варенье больше любишь? Малиновое или клубничное?

– Она сгущенку любит, – раздался из-за спины голос бабушки. – Что, Машка, соскучилась? Знакомься, это внуки мои. Юлия, хотя «юла» точнее будет. Эти два храбреца в кустах – Михаил и Юра. А с трусишкой Соней ты знакома.

– Ба! – воскликнула Юлька, глядя, как медведь Маша примеривает на себя мамину шляпу и принюхивается к содержимому тележки.

– Конечно, знакомы, – усмехнулась бабушка. – Дед твой лет шесть назад подобрал ее медвежонком, выкормил. Машка по осени, перед тем как спать лечь, всегда к нам в гости заглядывает. А тут, видишь, и летом свидеться пришлось.

– А как ты нас нашла? – подал голос откуда-то сверху Юрка. Как оказалось, он залез на сосну и спускаться не собирался.

– А вот, Юлька мне записку оставила. – И баба Маня развернула сложенный в четыре раза листок, на котором были нарисованы три зеленых огурца на тонких ножках, с широкими улыбками, плескающиеся в синем овале. – Я, когда до-

мой пришла, решила, что нас ограбили, а вас после тяжелых боев похитили. Погреб открыт, по всей кухне следы от варенья, огурцов, и сверху это безобразие сухариками присыпано. Я в погоню. Благо колесики у тележки хорошие борозды оставили. А тут – здрастье, приехали.

– Мы на озеро хотели, с палатками, – всхлипнул в кустах Мишка, глядя, как Юлька кормит с ложки медведицу его любимым клубничным вареньем.

– Это когда папа ваш на выходные приедет, тогда и пойдете, – хмыкнула бабушка, – а сейчас марш домой, кухню отмывать.

Вечером на веранде, попивая чай с вареньем, внуки слушали рассказ бабушки, как их дед воспитывал малыша-медвежонка, который вырос в красавицу медведицу и большую модницу. То, что в модницу, – это Юлька решила, поскольку мамину шляпу Машка так и не вернула. Ни за банку сгущенки, ни за пироги с капустой. Видимо, на свидание с мишкой собралась. А настоящая женщина всегда на первое свидание красивая приходит, ну или хотя бы в модной шляпе.

Марат Валеев

Ацкий водила

В начале двухтысячных мы с женой – жили тогда в столице Эвенкии, поселке Тура, – решили купить машину. Но сначала надо было получить права. И мы записались на курсы вождения при местном профлицее. Все было великолепно, пока не дошло до практических занятий. Ездить мы учились на стареньком учебном уазике со скрежещущей коробкой передач и безбожно дребезжащей жестяной кабинкой. Он был ухайдакан настолько, что время от времени самопроизвольно глох даже под опытными руками нашего инструктора Леша. Чувствовалось, что свое право на водительские права в этой машине отстаивала не одна сотня туринцев.

Было начало апреля, когда слушатели полугодичных курсов начали колесить по заснеженной еще Туре на этом самом выдавшем виды уазике. Мы с женой садились к инструктору Леше оба. У меня с вождением как-то все наладилось само собой. Может, потому, что за свою достаточно долгую к тому времени жизнь я много раз периодически – так, из баловства и с разрешения хозяев, – садился и за рычаги управления тракторов, и за баранки разных машин. Уже на втором или третьем сеансе вождения Леша сидел рядом со мной, расслабившись да изредка поощрительно побрякивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.